

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.В. Юрченко*

ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1945 ГОДА: ПРИНЦИПЫ ПЕРЕГОВОРОВ, ЗНАЧЕНИЕ И УРОКИ

В 2010 г. исполняется 65 лет с момента проведения Ялтинской конференции союзных держав, заложившей основы мирового порядка, институциональная структура которого сохраняется и по сей день. В центре внимания статьи — анализ столкновения интересов членов «привилегированного клуба» (США, СССР и Великобритании) в процессе выработки фундаментальных принципов послевоенного мироустройства. Обозначены основные узлы противоречий в рамках противостояния универсализма и политики сфер влияния и главные причины достижения компромисса. Особое внимание уделено оценке исторического наследия конференции и тех уроков, которые следует извлечь из переговоров И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Ялте политикам XXI в.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, «Ялтинская система», «привилегированный клуб», «большая тройка», универсализм, политика сфер влияния, геополитическое мышление.

2010 is marked by 65th anniversary of the Yalta Conference of three Allied powers. The Conference laid the groundwork for the world order whose institutional structure still remains in place. The article focuses on the clash of interests between the members of a «privileged club» (the United States, the Soviet Union, the United Kingdom) in the process of laying out the fundamental principles of a postwar world order. It exposes the main contradictions stemming from the conflict between universalism and spheres of influence policy and the key reasons for achieving compromise. A special attention is given to assessing the Conference's historical legacy and demonstrating which lessons the policymakers of the XXI century can learn from the negotiations between Stalin, Roosevelt and Churchill in Yalta.

Keywords: Yalta Conference, Yalta system, «privileged club», Big Three, universalism, spheres of influence policy, geopolitical thinking.

В 2010 г. исполняется 65 лет со времени проведения Крымской (Ялтинской) конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании, проходившей 4—11 февраля 1945 г.

* Юрченко Сергей Васильевич, д.п.н., профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, заместитель директора Ливадийского дворца-музея по научной работе (г. Ялта, Украина) (e-mail: cbur@mail.ru).

Ялта как место, где были выработаны основы нового мирового порядка, складывавшегося в результате Второй мировой войны, стоит в одном ряду с такими городами, как Мюнстер (Вестфалия), где в середине XVII в. подводили итоги Тридцатилетней войны и закладывали основы Вестфальской системы международных отношений; как Вена, где были подведены итоги изменений в Европе и мире рубежа XVIII—XIX вв.; как Париж и Вашингтон, где по окончании Первой мировой войны создавали новую мировую систему — Версальско-Вашингтонскую. При этом встреча «большой тройки» в Ялте в 1945 г. была не итоговой мирной конференцией, а конференцией войны и победы в войне, что, несомненно, наложило отпечаток на принимаемые решения и конфигурацию «Ялтинской», или «Ялтинско-Потсдамской», системы международных отношений, основы которой хорошо известны.

Коммюнике конференции началось разделом «Разгром Германии». В нем было заявлено, что «нацистская Германия обречена», а «германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает тяжелее цену своего поражения», для скорейшего достижения которого союзные державы соединили военные усилия, обменялись информацией, полностью согласовали и детально спланировали «сроки, размеры и координацию новых и еще более мощных ударов, которые будут нанесены в сердце Германии нашими армиями и военно-воздушными силами с востока, запада, севера и юга».

Стороны договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции Германии: зонах оккупации; координированном управлении и контроле через специальный орган в составе главнокомандующих трех держав с местом пребывания в Берлине; предоставлении Франции, «если она этого пожелает», зоны оккупации и места в контрольном органе.

Державы антигитлеровской коалиции заявили, что их «непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира» [12, т. 4, с. 247—248]. Для этого был предусмотрен целый комплекс мер, «включая полное разоружение, демилитаризацию и расчленение Германии», а также взимание репараций, размеры и способы выплаты которых должна была определить специальная комиссия в Москве.

Для поддержания мира и безопасности союзники решили создать всеобщую международную организацию, а для подготовки ее Устава 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско созывалась конференция Объединенных Наций. При этом было декларировано, что в Совете Безопасности этой организации будет действовать принцип единогласия постоянных членов, а США и Великобритания

поддержат предложение о допуске к первоначальному членству в организации Украинской ССР и Белорусской ССР.

В «Декларации об освобожденной Европе» союзники провозгласили «согласование политики трех держав и совместные их действия в разрешении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами».

По сложному польскому вопросу стороны договорились реорганизовать Временное правительство Польши «на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы» [12, т. 4, с. 260]. Восточная граница государства была определена по «линии Керзона» с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши, а на севере и западе она должна была поглотить «существенные приращения территории».

По вопросу о Югославии союзники предложили образовать Временное объединенное правительство из представителей Национального комитета освобождения Югославии и королевского правительства в эмиграции, а также Временный парламент.

На конференции было принято решение о создании постоянного механизма для консультаций между тремя министрами иностранных дел, совещания которых планировали проводить каждые три-четыре месяца.

В соответствии с соглашением, подписанным лидерами трех стран, СССР взял обязательство вступить в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе при условии сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики); восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г. (возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов); интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза (при этом имелось в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет); передачи Советскому Союзу Курильских островов. СССР выразил готовность заключить с Китаем «пакт о дружбе и союзе... для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига» [12, т. 4, с. 254—255].

На конференции были также подписаны двусторонние соглашения, определявшие порядок обращения с военнопленными и гражданскими лицами государств — участников соглашений в слу-

чае их освобождения войсками стран-союзниц, а также условия их репатриации.

Вырабатывая эти положения, И.В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль решали в условиях своей эпохи задачу, сходную с той, которая стояла в предшествующие времена и стоит сегодня перед государственными деятелями — определение принципов и конфигурации новой международной системы в условиях изменившегося соотношения мировых сил. В связи с этим представляется полезным рассмотреть, чем они руководствовались, на что ориентировались и что оставили в качестве уроков для будущих поколений политиков, создавая основы новой международной системы.

Этот анализ важен еще и потому, что название «Ялта», ставшее символом, вновь активно замелькало в информационных сообщениях и исследованиях, демонстрируя процесс демонтажа существовавшей системы международных отношений при порой односторонней акцентуации ялтинских решений. Известный американский ученый и государственный деятель Г. Киссинджер в 1994 г. писал о том, что «Ялта стала символом позора с точки зрения формирования облика послевоенного мира» [4, с. 369]. Тогда же президент Франции Ф. Миттеран заявил, что восточноевропейские страны должны быть безотлагательно интегрированы в структуры Запада, поскольку, если они и впредь будут находиться за «бортом НАТО и ЕС, то, по его мнению, это может привести к новому переделу континента, второй Ялте» [2]. В русле идей, высказанных французским президентом, звучала оценка ялтинских решений и на Лиссабонском саммите ОБСЕ в декабре 1996 г. при обсуждении проблем общей и всеобъемлющей безопасности для Европы в XXI в. При этом особо было отмечено то обстоятельство, что участникам форума «представляется историческая возможность устранить последние пережитки ялтинского порядка и воссоздать европейскую семью вокруг ценностей, на которых основана наша цивилизация» [6, с. 22]. В апреле 1997 г. британская «Financial Times», характеризуя американо-российский саммит, писала, что «встреча на высшем уровне Ельцина и Клинтона стала триумфом для главы американской администрации. Фактически она стала Ялтой наоборот. Вместо признания российской сферы влияния Клинтон добился сохранения права стран Центральной и Восточной Европы на присоединение к альянсам по своему собственному выбору» [цит. по: 17, с. 3]. По оценке журнала «Newsweek», анализировавшего итоги поездки Дж. Буша-младшего в Европу в 2005 г., если визит президента США чем-то и запомнился, так это «зажигательной речью» в Риге, где он обвинил Ф. Рузвельта и У. Черчилля в том, что на саммите в Крыму в 1945 г. они согласились «отдать Восточную Европу Советам» [цит. по: 18, с. 20]. Президент Грузии М. Саакашвили 10 мая 2005 г. поведал в «Washington Post», что «в течение 60 лет Ялта

оставалась символом предательства и коварства. В результате соглашения, к которому пришли в этом сонном городке Великобритании, Советский Союз и Соединенные Штаты, сотни миллионов людей стали рабами жестокой тирании» [7, с. 68].

Безусловно, решения Ялтинской конференции 1945 г. неодоимы. Но стремление к их произвольной интерпретации и акцентуации отдельных последовавших за ней событий имеют мало общего с действительным постижением уроков Ялты, поскольку каждый из этапов исторической эволюции системы международных отношений оставляет в сокровищнице человеческого опыта свои достижения.

Подтверждая действие вечного принципа, гласящего, что любую международную систему формируют доминирующие в международной иерархии державы в целях реализации, в первую очередь, собственных интересов, сосредоточения организации и контроля над процессами взаимодействия всех других участников системы, И.В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль представляли наиболее могущественные государства своего времени, продемонстрировавшие свое превосходство в основных параметрах силы в условиях мировой войны. Они представляли империи.

И.В. Сталин — империю, понесшую тяжелые потери, но выстоявшую благодаря рывку к победе народов, осознавших угрозу своему национальному существованию, сплотившихся в этой борьбе и вдохновленных надеждами на светлое будущее, что цементировалось жесткостью тоталитарной системы. Его держава достигла замечательных побед, его армии, пройдя пол-Европы, стояли у ворот Берлина, формируя облик послевоенного мира.

Ф. Рузвельт представлял империю нового типа, переплавлявшую беспрецедентное экономическое могущество в международное влияние, быстро выдвинувшуюся с мировой периферии в ранг великой державы и требовавшую для реализации своего потенциала экономической открытости мира. Это было фундаментом универсалистского подхода к организации нового мирового порядка.

У. Черчилль защищал интересы слабеющей классической колониальной империи, экономика которой была разрушена двумя мировыми войнами, колониальные владения требовали независимости, а традиционные способы поддержания равновесия сил в Европе оказались в прошлом. Вероятно, его задача была самой сложной в дипломатическом искусстве, поскольку ему предстояло получить ответ на вопрос: «может ли личная дипломатия в Крыму задержать безличный натиск истории и внезапное усиление советской военной мощи?» [23, р. 36].

Каждый из «большой тройки», таким образом, ощущал себя членом «привилегированного клуба» и понимал свое положение, его истоки и ответственность. Британский премьер-министр так и

заметил в ходе одного из заседаний: «...Совещание трех держав представляет собой очень привилегированный клуб. Вступительный взнос в этот клуб равен 5 миллионам солдат или соответствующему эквиваленту». И.В. Сталин несколько снизил планку: «...Хотя бы 3 миллиона солдат» [12, т. 4, с. 110]. Помноженные на личные качества каждого из участников «большой тройки», эти обстоятельства обусловили размах решения международных проблем, который прекрасно выразил словами составитель речей и биограф американского президента Р. Шервуд: «Это были [люди]..., занимавшиеся одним и тем же делом — военно-политическим руководством в масштабах всего мира. Людей этой профессии очень мало, и те немногие, кто овладевает ею, редко имеют возможность встречаться с собратьями по профессии, чтобы сравнивать свои впечатления и говорить на профессиональные темы. Они оценивали друг друга наметанным глазом профессионалов, испытывая известные восхищения друг перед другом, проникаясь сочувственным пониманием специальных проблем, стоявших перед каждым из них, что недоступно для профессионалов меньшего масштаба» [15, т. 1, с. 574].

Имперское положение держав и действительно мировое видение событий их руководителями окрашивало принимавшиеся решения в определенные тона. «Имперское мышление, — справедливо подчеркнул один из исследователей, — характерное в разной степени и формах для всех участников “Большой тройки”, не могло не наложить, конечно, своего отпечатка на принимавшиеся ими решения...» [13, с. 179].

Для стабильности создаваемой послевоенной международной системы ключевое значение имела степень удовлетворенности претензий членов «привилегированного клуба» в отношении результатов войны и победы. Эти мысли рельефно отразились еще в диалоге У. Черчилля и И.В. Сталина за завтраком «большой тройки» в Тегеране 30 ноября 1943 г. Тогда британский премьер-министр заявил: «...Управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий.

Сталин замечает, что управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые способны на это.

Черчилль говорит, что это совершенно правильно, и продолжает, что если какая-либо страна не удовлетворена чем-либо, то это всегда будет источником беспокойства. Поэтому нужно, чтобы судьбы мира были сосредоточены в руках сильных стран, которые полностью удовлетворены и не имеют никакого желания взять себе что-либо еще. Черчилль говорит, что три наших страны являются именно такими странами. После того как мы договоримся между собой, мы сможем считать, что мы полностью удовлетворены, а это самое главное» [12, т. 2, с. 127—128].

Стабильность создаваемой системы зависела при этом и от единства действий формировавших ее государств. Во время обсуждения в Ялте вопросов создания международной организации безопасности И.В. Сталин особо акцентировал необходимость сохранения единства действий великих держав: «Самое же важное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская опасность не страшна. Поэтому надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тремя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача» [12, т. 4, с. 87].

Таким образом, были сформулированы еще два принципа нового мирового порядка. Первый — единство действий «удовлетворенных» держав для консервирования достигнутых результатов мирного урегулирования и недопущения в этот «привилегированный клуб» новых членов, не отвечающих соответствующим параметрам силы; второй — включение в этот «привилегированный клуб» держав, способных обеспечить региональный контроль в рамках существовавшей геополитической карты мира, — всех великих или потенциально, в обозримой исторической перспективе, великих держав, даже если они испытывали известные трудности. Последний принцип афористичный У. Черчилль, радуя за участие Франции в контрольном механизме над Германией на Ялтинской конференции, выразил так: «Она сейчас может быть слаба, но нельзя судить о великой державе по ее временной слабости» [12, т. 4, с. 67].

Формировавшаяся в ходе войны международная система включала и принципы взаимодействия великих держав с малыми странами, отношения с которыми приводили к многочисленным проблемам. Комплекс этих вопросов нашел свое концентрированное выражение при обсуждении проблем создания международной организации безопасности.

Рассуждая о статусе России в международной организации и ее перспективах, У. Черчилль в послании Ф. Рузвельту откровенно и четко обозначил свою позицию: «В тех случаях, когда дело касается мощи и безопасности, было бы весьма неразумно выдвигать теоретические проблемы суверенного равенства, а потому Соединенному Королевству и Соединенным Штатам Америки следует использовать свое влияние в интересах скорее здравого смысла и “безопасности прежде всего”, чем статуса малых стран» [11, с. 649]. На Ялтинской конференции при обсуждении тех же вопросов британский министр иностранных дел А. Иден конкретизировал:

«...Страны могут говорить, спорить, но решение не может быть принято без согласия трех главных держав» [12, т. 4, с. 88]. Такое же понимание проблемы подтвердил и президент Ф. Рузвельт.

Осуществление «сдерживания» поверженных в войне противников затрагивало фундаментальный вопрос о создании сфер влияния. Оценка действий И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в системе координат «универсализм vs сферы влияния» дает достаточно определенный ответ: сторонник сфер влияния И.В. Сталин взаимодействовал с мастером баланса сил и создания таких сфер У. Черчиллем, который, впрочем, имел надежды на более совершенный способ организации мира, и Ф. Рузвельтом — «универсалистом с эпизодическими отклонениями в сторону политики сфер влияния» [16, с. 251].

Американский президент свой универсалистский проект структурировал в международную организацию безопасности и в беседах с И.В. Сталиным, начиная со встречи в Тегеране, говорил, что хотел бы «создать такую организацию, которая действительно обеспечила бы длительный мир после войны». Однако эти попытки заранее оговорить условия послевоенного мира встретили весьма скептическое отношение советского руководителя. «После Сталинградской битвы, — справедливо отметил один из исследователей, — Сталин не сомневался уже, что, когда окончится война, Советский Союз будет обладать подавляющим большинством спорных территорий. Все менее и менее полагаясь на переговоры, Сталин перенес формирование облика послевоенного мира авангардам собственных армий» [4, с. 358].

Предложение Ф. Рузвельта о создании мировой организации безопасности, сделанное еще в Тегеране, заинтересовало И.В. Сталина лишь в одном отношении. «Для того чтобы предотвратить агрессию, — отметил он, — тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке для того, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии». Ф. Рузвельт согласился «на сто процентов», а И.В. Сталин отметил: «В таком случае все обеспечено» [12, т. 2, с. 105].

Этот сюжет более отчетливо проявился на встрече В.М. Молотова, А. Идена и Г. Гопкинса 30 ноября 1943 г., когда советник американского президента предложил, чтобы отдельные районы в Тихом океане контролировали не войска Объединенных Наций, а американские войска; и заявил, что «хотел бы, чтобы три наши державы получили укрепленные пункты, которые ими бы контролировались, и чтобы их воздушные силы заняли стратегические базы, необходимые для поддержания мира» [12, т. 2, с. 130]. Такой подход вызвал безусловное одобрение В.М. Молотова, который

отметил спустя десятилетия: «Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотя договорятся, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша» [14, с. 23]. Таким образом, линия, направленная на определение сфер влияния, пусть и сопрягаемая с планами создания универсальной организации по поддержанию мира, проявилась уже тогда, когда обозначились два центра, формирующие эти сферы, — в 1943 г.

В Ялте руководители трех держав особенно рельефно продемонстрировали ощущение времени — исключительно точно определили сроки существования своего детища — новой системы международных отношений — 50 лет. Президент Ф. Рузвельт полагал: «...Нашей задачей является обеспечение мира по крайней мере на 50 лет», и стремился «построить новый мир, который не будет знать несправедливости и насилия». И.В. Сталин тоже говорил о 50-летнем сроке мирного развития, но его ощущение времени было более острым. «...Пока все мы живы, бояться нечего, — сказал он партнерам-соперникам. — Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда?» [12, т. 4, с. 87]. Они связывали это время, в сущности, со сроками жизни политического поколения. И опыт Ялтинской системы показывает, что существование той или иной модели мирового порядка ограничено двумя поколениями государственных деятелей: пока живы творцы системы и их последователи, она существует; с их уходом усиливается тенденция к пересмотру устоев международной системы.

Что лежало в основе политических линий И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля и что обусловило достижение компромисса в решении военных вопросов и проектировании послевоенного мира? Ключевую роль сыграло доминирование политического реализма над идеологией, конкретных геополитических расчетов над общими рассуждениями. Сама фактура задач военного времени усиливала этот вектор в деятельности «большой тройки»: общий противник и конкретные операции против него; планирование военных действий и мер по их обеспечению; проблемы предстоящего послевоенного восстановления и задачи формирования нового баланса сил, не допускающего реванша со стороны терпящих поражение держав.

Воздействие этих обстоятельств усиливалось мировосприятием каждого из участников «большой тройки». Ф. Рузвельт, по выражению одного из его ближайших советников С. Уэллеса, «знал о

пропасти, разделяющей западные и восточные цивилизации. Существуют чудовищные различия в языке, религии, политике, идеологии и культуре. Однако он был убежден в возможности сотрудничества... Он знал, что марксизм объявил беспощадную войну капитализму, однако он не верил в то, что идеология может определять поступки людей. Война идеологий, по мнению Рузвельта, в основном ограничивается книжными спорами» [цит. по: 19, с. 382].

И.В. Сталин в плане общего подхода к вопросам внешней политики, несомненно, был «деятелем геополитического мышления», оценивавшим положение дел в понятиях территорий, границ и сфер влияния. В условиях относительного отставания страны по ряду параметров мощи оказывать необходимое воздействие на сопредельные территории Советский Союз мог только в четко очерченной сфере, закрепленной вооруженной силой. Это вело к стремлению утвердить сферы влияния. «Кремль..., — отметил известный американский историк А. Шлезингер-младший, — думал только о сфере своих интересов...» [16, с. 249].

Политический прагматизм британского премьер-министра У. Черчилля нашел самое зримое отражение в двух фундаментальных шагах, сделавших его «великим», — осуществлении любых уступок ради формирования британо-американского союза в войне и сотрудничестве в послевоенном мире, а также в однозначной поддержке борьбы Советского Союза с Германией, что стало первым камнем в формировании антигитлеровской коалиции.

В условиях окончания войны имперская геостратегия объективно заключалась в нахождении баланса сил между членами «привилегированного клуба», особенно в Европе, закреплении за собой влияния на тех территориях, где находились войска держав-победителей, создании условий для обеспечения их защиты в будущем и возможностей воздействия на зоны ответственности других держав, восстановлении за счет проигравших собственной безопасности и экономики. В ходе решения этих важнейших проблем участники «большой тройки» оставили потомкам примечательные примеры подхода к анализу и реализации геополитических интересов своих государств и партнеров-соперников.

Ф. Рузвельта очень беспокоила возможность дальнейшего продвижения советских войск вглубь Европы. Уже во время первой встречи с И.В. Сталиным 4 февраля, еще до открытия конференции, он начал зондаж, поставив перед маршалом вопрос: «Один из членов его свиты поспорил с ним, Рузвельтом, о том, будет ли занят раньше Берлин или Манила» [12, т. 4, с. 45]. Президент заботился о будущем соотношении сил в Европе. Ведь уже на следующий день американские войска с трех направлений должны были начать наступление на столицу Филиппин, достигнув ее окраин. Но Ф. Рузвельта в первую очередь интересовал Берлин и перспек-

тивы советского наступления, ведь на Западном фронте англо-американские союзники еще не преодолели «линии Зигфрида», не форсировали Рейн, а генерал Д. Эйзенхауэр перегруппировывал свои дивизии, планируя начать первое наступление 8 февраля, второе — несколькими днями позднее и большое наступление — в марте.

И.В. Сталин понимал обеспокоенность президента. «...Манила будет занята раньше Берлина», — успокоил он Ф. Рузвельта. Но американский президент еще дважды в ходе первого заседания «большой тройки» акцентировал этот вопрос. «Раньше союзники воевали на больших расстояниях друг от друга, — заявил он после доклада генерала А.И. Антонова о январском наступлении советских войск. — Сейчас Германия стала мала, и потому особое значение имеет более тесный контакт между штабами трех стран» [12, т. 4, с. 53]. И.В. Сталин, назвав такой подход правильным, позднее заметил, что некоторые представители союзного командования высказывали пожелание, «чтобы советские войска не прекращали наступления до конца марта» [12, т. 4, с. 53, 57]. Продолжая зондаж намерений союзников, он заключил: «Мы... будем продолжать свое наступление, если позволит погода и если дороги будут проходимыми» [12, т. 4, с. 57]. Ф. Рузвельт среагировал незамедлительно, заявив, что «сейчас наступило время, когда нужно более тщательно координировать операции союзных войск», и заговорил об «общих военных планах». Его подержал У. Черчилль. Военные вопросы были переданы на рассмотрение начальникам штабов. Но И.В. Сталин понял главное: западные союзники не допустят смещения баланса сил в пользу Советского Союза в результате дальнейшего продвижения советских войск. «Сталин был отягощен мыслями о том, — пишет Д. Клеменс, — продолжать ли действовать согласно плану [о проведении наступления, который не предусматривал оперативной паузы между выходом на Одер и взятием Берлина. — С.Ю.] или нет. Он колебался, когда открытие конференции было готово, направил армии на продолжение наступления и одновременно поставил препятствия на их пути. В ходе конференции Сталин дважды, 2 и 4 февраля, отдавал приказ о начале штурма Берлина. Затем, 6 февраля, отменил операцию после целого дня переговоров с союзниками по координации военной деятельности 4 февраля и политических переговоров 5 февраля» [5, с. 9]. Он отсрочил приказ как по военным соображениям, так и для того, чтобы армии западных союзников восстановили равновесие в глубине продвижения и были готовы к разгрому Германии вместе с советскими войсками как участники коалиции. Этими действиями И.В. Сталин стремился также в максимальной степени уменьшить возможность заключения сепаратного соглашения западных союзников с Германией. Основные параметры баланса

сил в ходе военного разгрома Третьего рейха, таким образом, были определены, и на его основе державы антигитлеровской коалиции завершили через три месяца разгром фашизма.

На первом заседании «большой тройки» был продемонстрирован и еще один блестящий пример геополитического анализа. После доклада генерала А.И. Антонова Ф. Рузвельт неожиданно спросил: «Предполагает ли Советское правительство перешивать германские железные дороги на более широкую колею?» [12, т. 4, с. 52]. Этот малозначительный, на первый взгляд, вопрос имел глубокий геополитический смысл. Президент интересовался материальными возможностями советской стороны для закрепления своего преобладания на освобожденных Красной Армией территориях европейских государств. Ведь один из важнейших принципов геополитики гласит: «тот, кто будет доминировать в вопросе доступа к данному региону, скорее всего и окажется в выигрыше в геополитическом и экономическом плане».

Интересна и реакция советских представителей. Генерал А.И. Антонов ответил, что «малопригодные для использования германские железные дороги придется на ряде главных направлений перешить», затем поправился: «...Советское командование перешивает только самое минимальное количество направлений в целях обеспечения снабжения советских войск». Почувствовав, вероятно, скрытый смысл вопроса, И.В. Сталин подвел итог: «...Большая часть железных дорог остается неперешитой. Перешивку железных дорог советское командование делает без большой охоты» [12, т. 4, с. 52]. На самом же деле перешивку железных дорог с западной колеи (1438 мм) на советскую (1524 мм) осуществляли в значительных масштабах, причем не только в направлении районов военных действий, но и в местах нахождения крупных промышленных предприятий. Точные данные о перешивке найти сложно. Приводимые цифры различны и колеблются от 22 до 32 тысяч километров перешитой и восстановленной железнодорожной колеи за период с декабря 1944 г. до конца весны 1945 г.

Другой пример, связанный с возможностью перспективного воздействия на международную ситуацию, проявился при обсуждении вопроса о репарациях с Германии. В протоколе о репарациях фигурировал один пункт, которого не было в продуманных предложениях замнаркома иностранных дел И.М. Майского, представленных союзникам 5 февраля — «использование германского труда» [12, т. 4, с. 259]. Впервые о нем заговорил Ф. Рузвельт: «Какое количество германской рабочей силы хотел бы получить Советский Союз» — обратился он с вопросом к И.В. Сталину и тут же прибавил: «Что касается Соединенных Штатов, то им не нужны ни германские машины, ни германская рабочая сила» [12, т. 4, с. 70]. Это был аванс И.В. Сталину. Последний ответил, «что у Советского

правительства имеется план материальных репараций. К обсуждению же вопроса об использовании германской рабочей силы Советское правительство пока еще не готово».

Но, в конечном счете, это предложение было зафиксировано в документах конференции и после окончания войны реализовано на практике. Было ли оно «подарком» американского президента или тонким ходом в борьбе за Германию — это проблема для размышлений. Не случайно, наверное, И.М. Майский отметил в мемуарах: «Но все-таки, сядя в Ливадийском дворце за один стол с американским президентом, мы не вполне ясно представляли себе, чего от него можно ожидать... Черчилль был гораздо более определенной фигурой, чем Рузвельт» [9, с. 754]. Если предложение президента преследовало долговременные цели, то в известном смысле оно их достигло: «...Следует учитывать, — отмечается в одном из исследований, — что сотни тысяч... немецких военнопленных вернулись на родину со смешанными чувствами по отношению к Советскому Союзу, зачастую далеко не дружественными, что наложило свой отпечаток на общую настроенность немецкого народа к своему великому соседу на Востоке, на формирование послевоенного менталитета западных немцев» [10, с. 54].

И.В. Сталин принял предложение Ф. Рузвельта как по экономическим причинам (потребность в рабочей силе для восстановления хозяйства в условиях колоссальных людских потерь), так и по соображениям безопасности — Германию нужно было ослабить. Эти же факторы обусловили стремление советской стороны заключить соглашение по репатриации военнопленных и гражданских лиц. «Советский Союз, — подчеркивает один из американских исследователей, — должен был куда более активно заявлять свои права, чем это делали западные союзники. Наличие более 2 миллионов его граждан на западе потенциально наносило ущерб его экономике, престижу и безопасности» [20, р. 66]. При этом последнее соображение играло особенную роль. Первое поколение советских руководителей всегда опасалось действий со стороны своих соотечественников-эмигрантов, и И.В. Сталин боялся, что оказавшиеся вне его контроля люди могли быть организованы при необходимости в «партизанскую армию», что составило бы угрозу его власти [21, р. 10]. Поэтому сотни тысяч человек, независимо от их желания и гражданства, на основе национальной принадлежности были насильственно репатриированы в Советский Союз.

Еще один сюжет был связан с такой важнейшей геополитической категорией, как границы. О дискуссиях по границам Польши написано немало. В данном контексте нас интересует проблема ее западных границ. На заседании 6 февраля И.В. Сталин заявил: «...Западная граница Польши должна идти по Западной Нейсе», и

просил Ф. Рузвельта и У. Черчилля поддержать его в этом вопросе [12, т. 4, с. 93]. На следующий день союзники получили соответствующие советские предложения. Американский исследователь подчеркнул: «В Ялте Сталин внезапно выступил перед Рузвельтом и Черчиллем со своей по-новому составленной картой. Она показывала его требование в интересах люблинских поляков о Лужице, или Западной Нейсе, в качестве продолжения в южном направлении линии по реке Одер — новой западной границе. В этот момент он выполнял свои секретные обещания, данные в июле 1944 г. своим люблинским клиентам» [22, р. 96].

Геополитическая логика этих действий была основана на ряде посылок. Во-первых, Польша получала компенсацию за уступку территорий Советскому Союзу на востоке. Во-вторых, укреплялся авторитет просоветского Польского временного правительства внутри страны, получавшего возможность выступать в качестве поборника национальных интересов. Советские представители, защищая свои предложения, ссылались на решительность в этом вопросе варшавского правительства и самих поляков [12, т. 4, с. 140—141]. Отдавая часть германской территории Польше, И.В. Сталин ослаблял Германию и одновременно закладывал напряжение в будущие польско-германские отношения, а также вынуждал Варшаву для сохранения status quo обращаться к Москве. В этой связи отметим, что и в середине 1980-х гг. влиятельные представители реваншистских кругов в Западной Германии неоднократно поднимали вопрос о территориях «по ту сторону Одера и Нейсе» [1, с. 36, 37]. Определить эту границу было относительно легко по естественно-географическим рубежам, а Польша к тому времени уже была освобождена советскими войсками, контролировавшими ее территорию. «Поэтому, когда Сталин достал свою новую карту в Ялте, — подчеркнул один из исследователей, — польские границы уже были почти свершившимся фактом» [22, р. 97].

Этот курс встретил противодействие со стороны западных союзников. У. Черчилль уже на заседании 7 февраля заметил: «...Польша должна иметь право взять себе такую территорию, которую она пожелает и которой она сможет управлять. Едва ли было бы целесообразно, чтобы польский гусь был в такой степени начинен немецкими яствами, чтобы он скончался от несварения желудка» [12, т. 4, с. 117]. Через три дня британский премьер-министр высказал сомнения в том, «должны ли поляки иметь границу по реке Нейсе» (Западной) и подчеркнул, что «получил телеграмму от военного кабинета, в которой изложены опасения относительно трудностей переселения большого количества людей в Германию» [12, т. 4, с. 197]. Сущность британской позиции была видна даже из советских лагерей для военнопленных. По крайней мере, ее очень емко сформулировал один из находившихся там немецких

офицеров: «Раньше англичане надеялись на возвращение польского эмигрантского правительства в Варшаву. Поэтому они настаивали на расширении Польши на Запад, чтобы создать таким образом английскую позицию на Востоке. Но получилось обратное; Польша ориентируется на Восток. Поэтому концепция Англии — не усиливать Польшу. Отсюда английские голоса против присоединения Верхней Силезии к Польше. Англия вычеркнула Польшу» [3].

Последнее не совсем соответствовало действительности. У Черчилль выжидал, заявляя о том, что вопрос о западной границе Польши «должен быть решен на мирной конференции» [12, т. 4, с. 198]. В британском проекте заявления по этой проблеме было сказано, что «Польша должна получить существенные приращения на севере и западе», по вопросу о размере этих приращений «в надлежащее время будет спрошено мнение нового польского правительства национального единства», а «окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции» [12, т. 4, с. 204]. Позицию британских партнеров поддерживал и американский президент. Курс западных союзников на «выжидание» был обусловлен тем, что «Рузвельт и Черчилль могли еще продолжать надеяться, что люблинское временное правительство должно быть вскоре реорганизовано с включением некоторых лондонских поляков; что Миколайчик должен возглавить новое правительство, и что свободные выборы должны быть организованы варшавским режимом в ближайшем будущем» [1, р. 99]. Поэтому британская формулировка была зафиксирована в итоговых документах конференции. Устраивала она и И.В. Сталина, всегда полагавшего, что внутри границ, на которых находились его армии, он будет обладать достаточной свободой действий. В геополитике так всегда и определялись пределы доминирования на соответствующей территории.

Итогом дискуссий на Ялтинской конференции был предложенный миру «большой тройкой» проект глобального будущего: скорейшее завершение войны; учет интересов основных держав коалиции в виде формирования (или сохранения) сфер влияния за счет побежденных противников — Германии и Японии; прочный мир на два поколения; регулирование возникавших противоречий через международную организацию безопасности — Организацию Объединенных Наций.

Ялта стала успешным примером кооптирования великой державы — СССР, уклад жизни которой был построен на отличной от западной системе ценностей и доказавшей свое право на пребывание в «привилегированном клубе» силой оружия и потрясающими военными успехами, — в число грандов мировой политики, определявших систему международных отношений, в том числе и через ООН, которая объединила, в первую очередь, державы-победитель-

ницы, стремившиеся наряду с решением проблем всеобщей безопасности к стабилизации устроивавшей их международной системы.

Ялтинские решения дали пример успешного сочетания особых прав великих держав и принципа демократического устройства мира, нашедшего свое выражение в структуре ООН с ее постоянными членами Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеей, а также в деятельности этой организации, обеспечивавшей, по крайней мере, механизм обсуждения возникавших проблем и привлечение к ним внимания широких кругов общественности разных стран. Пройденный с тех пор путь показывает, что проблема сочетания интересов великих держав и малых государств остается актуальной.

Справедливо отмечается и то, что «принцип суверенитета, который в предшествующие столетия определял отношения между весьма ограниченным числом европейских государств, распространился на весь мир, и основанная на нем система международных отношений стала универсальной. Принцип суверенного равенства государств был закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций и стал основополагающим элементом системы международного права. Создание ООН ознаменовало переход от старой системы, в которой ограничение суверенитета оставалось практикой, основанной на праве сильного, к новой, которая ограничила возможности использования силы против суверенного государства.

Признание суверенитета бывших европейских колоний значительно расширило круг суверенных государств» [8, с. 150].

Что дает приведенная ретроспекция? В дискуссиях на Ялтинской конференции 1945 г. проявилась определенная матрица оценки международных тенденций и создания новой международной системы ответами на «вечные вопросы»: за чей счет создается новый мировой порядок; по каким параметрам формируется руководящее ядро; как обеспечивается единство действий этого ядра; каков «кодекс поведения» великих держав; какова система отношений великих держав и малых стран; как оценивается временная перспектива существования формирующейся системы? Поиск ответов на эти вопросы ведется и сегодня — в условиях формирования новой системы международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Безыменский Л.* Бредовые идеи современных реваншистов // *Международная жизнь.* 1985. № 2.
2. *Голос Украины.* 1994. 18 янв.
3. Докладная записка комиссара госбезопасности 3-го ранга А. Кобулова и генерал-лейтенанта Кривенко на имя Берии о высказываниях членов Союза немецких офицеров относительно решений Крымской конференции // *Государственный Архив Российской Федерации.* Ф. р-9401сч. Оп. 2. Д. 93. Л. 230.

4. *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. с англ. М.: Ладомир, 1997.
5. *Клеменс Д.* Ялта // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира // Под общ. ред. А.Н. Баженова и О.А. Ржешевского. М.: Российская академия наук; Институт военной истории МО РФ, 1992.
6. *Клепацкий Л., Романов В.* В Ялте три мировых лидера говорили о недопустимости нового раскола в Европе // Международная жизнь. 1997. № 4. С. 14—22.
7. *Кокеев М.* Провинциализм в политике // Международная жизнь. 2006. № 5. С. 62—72.
8. *Кузнецова Е.* Суверенитет. Незыблемый и неделимый? Суверенитет государства может быть ограничен, если оно им злоупотребляет // Международная жизнь. 2004. № 7—8. С. 150—167.
9. *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата: 1925—1945 гг. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1987.
10. *Марков К.А.* Крымская конференция и проблема переселения немцев // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы. Материалы международного научного симпозиума. Симферополь, 1996. С. 51—54.
11. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М.: ТЕРРА, 1995.
12. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: Сборник документов. В 6 т. / М-во иностр. дел СССР. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.); Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М.: Политиздат, 1984.
13. *Филитов А.М.* «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М.: Наука, 1991.
14. *Чуев Ф.* Сто сторон бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991.
15. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.
16. *Шлезингер-мл. А.* Циклы американской истории / Пер. с англ. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992.
17. Эхо планеты. 1997. № 14. С. 3.
18. *Юрин А.* Джордж Буш: «Я сидел рядом с другом» // Международная жизнь. 2005. № 6. С. 14—21.
19. *Яковлев Н.Н.* Франклин Д. Рузвельт и американско-советское сотрудничество 1941—1945 гг. // Вторая мировая война. Кн. 1. Общие проблемы. М., 1966.
20. *Buhite R.D.* Decisions at Yalta. An Appraisal of Summit Diplomacy. Wilmington, Delaware: Scholarly Resources Inc., 1986.
21. *Elliot M.R.* Pawns of Yalta: Soviet Refugees and America's Role in Their Repatriation. Urbana, Illinois: Univ. of Illinois Press, 1982.
22. *Raak R.C.* Stalin's Drive to the West 1938—1945. The Origins of the Cold War. Stanford, California: Stanford University Press, 1995.
23. The Meaning of Yalta. Big Three Diplomacy and the New Balance of Power / Ed. by V.L. Snell. Baton Rouge, 1956.